

чество двух первых поэтов приходилось на время господства «риторических» правил (иначе определявшееся как «Ломоносовский период»), то «Карамзинский период», введший «русскую литературу в сферу новых идей» и, как следствие, качественно обновивший нормы литературного языка, заявил себя с наибольшей полнотой в завоеваниях Крылова-баснописца, Жуковского и Батюшкова, т. е. распространялся не только на конец XVIII в., но и на начало XIX в. Белинский не указывал точных хронологических границ выделяемых им периодов. Но примечательно, что начало новой эпохи в развитии национальной литературы он связывал с результатами реформаторской деятельности Петра. Не случайно, характеризуя роль Ломоносова в русской литературе, Белинский прямо сравнивал его с Петром Великим.²

Точка зрения Белинского так или иначе сохраняла свое значение почти на всем протяжении XIX в., хотя разыскания ученых академической и историко-культурной школы (А. Н. Пыпина, Н. С. Тихонова, А. А. Куника, А. Н. Веселовского и др.) неизмеримо расширили круг материалов, доступных изучающим литературу этого столетия. Это отразилось на осмыслении закономерностей литературного развития литературы XVIII в. В частности, именно благодаря исследованиям Н. С. Тихонова, А. Н. Веселовского и В. Н. Перетца на рубеже XIX—XX вв. в филологической науке утверждается понятие «Петровского периода», «Петровского времени» как особого этапа русской литературы первого тридцатилетия XVIII в., отмеченного своей спецификой художественного выражения и имевшего важное значение для последующего историко-литературного развития.

Вопрос периодизации имел естественную актуальность для всех, кто обращался к освещению путей исторического развития отечественной словесности. В учебных пособиях дореволюционного времени установление периодов развития литературы XVIII в. чаще всего механически приурочивалось ко времени царствования отдельных монархов с выделением соответственно литературы «Елизаветинской эпохи» или «века Екатерины».³ Устарелость, а главное, ненаучность подобных принципов периодизации очевидна.

В советское время изучение литературы XVIII в. обрело качественно новую методологическую базу. Благодаря диалектическому, основанному на принципах историзма пониманию общест-

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 10. С. 8—9.

³ В качестве наиболее показательного примера подобных схем периодизации укажем на ту, которая дана в популярном для своего времени «Семинарии по новой русской литературе» Н. К. Пиксанова (СПб., 1912; 2-е изд. СПб., 1913). Подзаголовок издания недвусмысленно обнажает его методологические принципы: «Три эпохи. Екатерининская, Александровская, Николаевская». В пределах XVIII в. недостает только Елизаветинской и Петровской эпох, чтобы схема приобрела свою логическую завершенность. Кстати, применение термина «Елизаветинское время» в определении этапов развития литературы XVIII в. также имело место в дореволюционном литературоведении, например в пособии А. Д. Галахова.